

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ В СИРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В многообразной сирийской литературе можно выделить группу сочинений юридического характера, которые были широко распространены во времена средневековья на Ближнем Востоке. Сочинения эти, сравнительно немногочисленные, имеют большое значение для характеристики экономической жизни и общественного строя сасанидского Ирана и Месопотамии, ибо отражают, хотя и неполно, моменты общественно-экономических отношений. «Данные юридических сборников позволяют нам впервые сделать очень важный вывод относительно организации торговли в Иране в раннем средневековье, о том, что торговля в значительной степени велась компаниями, обществами, объединениями, товариществами», — пишет в одной из своих работ Н. В. Пигулевская.¹

Организации торговли в форме товариществ посвящено несколько глав сирийского сборника Ишобохта.² В них изложены существовавшие в юридической практике взгляды на права и обязанности членов товариществ. Все они пользовались общей собственностью на равных основаниях. Если часть этой собственности выделялась как личное имущество одного из членов, то этим нарушался основной принцип товарищества, что приводило к его распадению. Общей собственностью товарищества считалась военная добыча, полученная одним из товарищей лично, «подарки от царей или знатных», а также другие частные приобретения.³

Если один из членов товарищества попадал в плен или уезжал надолго в другие страны, то по возвращении он получал всю прибыль, вырученную компаньонами с его доли в его отсутствие.⁴

Свидетельством того, что эти положения, зафиксированные в юридических кодексах, прочно вошли в практику ведения торговли и хозяйства, является отражение их в произведениях художественных жанров, далеких по своему характеру от деловых документов и памятников юридической литературы и отражающих действительную жизнь и реально существовавшие формы взаимоотношений.

В этой связи следует назвать прежде всего одно из наиболее популярных произведений восточной литературы — книгу «Каліла и Димна»,

¹ Н. В. Пигулевская. Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв. Краткие сообщения ИВ, XIV, 1956, с. 49.

² Был составлен на среднеперсидском языке в VIII в., на сирийский переведен в начале IX в. Сирийская версия издана Э. Захау. См.: Syrische Rechtsbücher, Bd. III, Berlin, 1914. См. также: Н. В. Пигулевская. Юридические памятники эпохи сасанидов (пехлевийский сборник «Матикан» и сирийский сборник Ишобохта). Сб. памяти И. Ю. Крачковского, Л., 1958, с. 163—175.

³ Syrische Rechtsbücher, Bd. III, IV, § 6, S. 144—146.

⁴ Ibid., § 5, S. 144.

первая сирийская версия которой появилась в VI в. В рассказе о хитром и простодушном говорится о двух купцах, которые были товарищами и друзьями (ܟܘܨܝܘܐ ܟܘܫܘܐ).

Поскольку речь пойдет далее о термине (ܟܘܫܘܐ), отметим, что в переводе на русский язык это слово значит «товарищ», с оттенком «участник», «партнер», «компаньон». Так, в сирийской версии легенды о семи спящих отроках эфесских описана ситуация, когда некоего человека подозревают в том, что он нашел клад. Желая пожить за его счет требуют, чтобы он принял их в товарищи, т. е. разделил с ними клад, сделал их участниками в этой находке. В значении «товарищи» употреблено слово ܟܘܫܘܐ.⁵

В тех случаях, когда нужно сказать «товарищ» как синоним к словам «друг», «приятель», в художественных текстах употребляется обычно существительное ܟܘܨܝܘܐ, образованное от глагола ܟܘܨܝܘܐ в породе Pa'el — «быть в товарищеских отношениях», что явствует, в частности, из следующих примеров: «Глуп тот, кто наносит вред самому себе, чтобы принести пользу своему товарищу».⁶ «Говорят, что смелость храбреца проявляется в бою, честность (выражается) в том, чтобы взять и вернуть, жена и домохозячка проверяются в нужде, а товарищи и друзья познаются в несчастье».⁷

Подобных примеров можно привести достаточное количество. Эта закономерность словоупотребления, а также то, что в статьях сборника Ишобохта, посвященных товариществам, использован термин ܟܘܫܘܐ, навело нас на мысль, что в упомянутой новелле из «Калилы и Димны» речь идет именно о таком экономическом сообществе. Обратимся теперь к анализу самой новеллы.

Однажды купцы отправились по торговым делам в другой город. По пути один из них нашел кувшин, в котором была тысяча динаров. Для счастливица было очевидно, что находка в равной степени принадлежит и его другу, как члену одного с ним товарищества, поэтому он подозвал его, показал кувшин и предложил разделить динары поровну, на что тот ответил: «Не будем делить их, потому что, пока они вместе, и мы будем вместе друг с другом и не расстанемся».⁸

Выраженное другими словами (не будем делить общее достояние, дабы наше товарищество не распалось), это заключение вполне соответствует § 6 сборника Ишобохта (если товарищи что-либо делят, товарищество распадается⁹).

Интересно отметить, что отношения действующих лиц этого рассказа были поставлены на экономическую основу лишь в среднеперсидской (пехлевийской) и сирийской версиях «Калилы и Димны», появление которых совпало по времени с широким распространением в Иране самой формы этих взаимоотношений. В санскритском оригинале, который лег в основу среднеперсидского, а через посредство его и сирийского переводов, отсутствует и намек на какие-либо иные отношения купцов, кроме чисто дружеских; они были друзьями, и в ответ на предложение одного разделить деньги другой ответил: «Дорогой, пока остаток денег будет при-

⁵ См.: Testi orientali inediti sopra i sette dormienti di Efeso. Publicati e tradotte dal socio Ignazio Guidi. Roma, 1885, p. 29.

⁶ The laughable stories, collected by mar Gregory John Bar-Hebraeus. The syriac text edited with an english translation by E. A. Wallis Budge. London, 1897, p. 15.

⁷ Kalilag und Damag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von G. Bickell mit einer Einleitung von Th. Benfey. Leipzig, 1876, S. 48.

⁸ Kalilag und Damag, S. 29.

⁹ Syrische Rechtsbücher, Bd. III, V, S. 146.

надлежать нам обоим, до тех пор сохранится наша искренняя взаимная симпатия».¹⁰

Ибн ал-Мукаффа¹, переводивший в VIII в. «Калилу и Димну» со среднеперсидского на арабский язык, счел необходимым пояснить своему читателю то, что для сирийца вытекало с очевидностью из самого термина **كاذبا**.

Если в сирийской версии о купцах говорится просто, что они были друзья и товарищи, то Ибн ал-Мукаффа¹ поясняет: товарищи по торговому делу (شركيين في تجارة). И тем не менее самая суть этих товарищеских отношений осталась для него скрытой; по поводу дележа динаров один из купцов (в его изложении) говорит другому: «Не будем делить их. Конечно, товарищество и равенство более всего соответствуют искренности и чистоте, но возьми ты из них на расходы, столько же возьми и я, а остальное мы скроем в сохранном месте».¹¹

Очевидно, что такая характеристика одинаково применима и к товариществу экономическому, и к товариществу в плане личных отношений. Арабам форма ведения хозяйства и торговли посредством «компаний, обществ, объединений и товариществ» в это время еще не была известна. «Ремесло часто не отделялось от торговли, производитель товара тут же в своей мастерской продавал его потребителю. Объединения ремесленников, подобные западноевропейским цехам, возникли в Халифате значительно позднее».¹²

Возвращаясь к рассказу о двух купцах из «Калилы и Димны», заметим только, что схема экономических взаимоотношений, искусно вписанная переводчиком-сирийцем (или еще ранее персом) в забавный индийский рассказ о хитром и простодушном, ускользнула из поля зрения всех последующих переводчиков с сирийского, а в некоторых случаях и с арабского, где, как мы уже говорили, термин **كاذبا** был расшифрован Ибн ал-Мукаффа¹. Они во избежание повторения или вовсе оставляли этот термин без перевода, считая его синонимом к слову «друг», или давали перевод, не вполне точно отражающий содержание текста. Так, в славянской версии читаем: «Глаголят бо ся яко в некоей веси пребываху два соседа, один прост, а другой лукав, имяху между собой дружбу».¹³

Г. Биккель дал следующий перевод на немецкий язык этого отрывка: «Были однажды в одном городе два купца, которые поддерживали знакомство и дружили друг с другом. Один был хитрый, а другой — простодушный». И далее: «Когда они приблизились к городу и сели, чтобы разделить динары, простодушный сказал хитрому: — Половина принадлежит тебе, половина — мне. Однако хитрый, чтобы забрать все динары у простодушного, сказал ему: — Не будем делить их, потому что, если они разделятся у нас как наше общее достояние, мы останемся в единодушии, которое нас связывает, и не разлучимся».¹⁴

В русском переводе с сирийского сказано следующее: «Однажды в некоем городе жили два купца. Один был хитер, другой — простодушен». И далее хитрый говорит простодушному: «Зачем нам их делить? Если они

¹⁰ Tantrākhyāyika, die älteste Fassung des Pāncatantra. Aus dem sanscrit übersetzt von J. Hertel. Leipzig, 1909, S. 51.

¹¹ كتاب كليله ودمنه عنى بنشرهما الاب لويسى شيخو بيروت ١٩٥٠، ص ٩٥. Калила и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и П. П. Кузьмина. М., 1957, с. 113.

¹² Е. А. Беляев. Арабы, ислам и Халифат в раннее средневековье, М., 1965, с. 229.

¹³ Цит. по: Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVIII веков. Л., 1969, с. 211.

¹⁴ Kalilag und Damnag, S. 29.

останутся нашим совместным достоянием, то и связывающая нас дружба останется неколебимой».¹⁵

Таким образом, экономический термин *ḥabīb* (товарищ, компаньон) отождествлен здесь с обиходным понятием *ḥabīb* (товарищ, друг), вследствие чего предостережение о распаде товарищеского объединения, скрытое в словах одного из купцов, истолковано как боязнь разрыва дружеских уз.

Сирийские юридические сборники содержат значительный материал, позволяющий сделать вывод о применении этих сводов в епископальном суде. Об этом свидетельствует Сирийский законник V в., в состав которого включены дополнительные (по сравнению с латинским и греческим законодательством) статьи, «дающие льготы и освобождающие клириков от внесения податей».¹⁶ Составитель второго сборника — Ишобохт — был митрополитом Персии. Он предпринял свой труд «по настоянию епископов его епархии», а со среднеперсидского на сирийский язык сборник был переведен неизвестным клириком «по приказу и побуждению блаженной памяти мар Тимофея, кафолического патриарха Востока».¹⁷

Говоря о суждях, Ишобохт разделяет их на светских (*ḥabīb ḥabīb* — суждь внешние) и духовных (*ḥabīb ḥabīb*), причисляя себя к категории последних.¹⁸

Известно, что епископская власть особенно укрепилась после арабских завоеваний, когда вступили в силу ее чисто светские прерогативы. «Не только судебные, но и фискальные функции стали входить в круг обязанностей епископа, который представлял определенные группы халифата и нес за них ответственность».¹⁹ Сборник Ишобохта и был предназначен в качестве практического руководства для ведения судебных дел в среде христианского населения халифата.

Однако епископ играл заметную роль в судопроизводстве еще задолго до этого.^{19a} В раннюю пору становления христианской церкви христианское население Римской империи, окруженное враждебным языческим миром, избегало языческих судей, опасаясь пристрастного отношения с их стороны и не желая участвовать в идолослужении, обрядами которого сопровождалось римское судопроизводство.²⁰

В большой промежуточный период, ограниченный этими рамками, роль епископального суда то возрастала, то сокращалась, но никогда не сходила на нет. При императоре Константине юрисдикция церковных судов по гражданским делам конкурировала с юрисдикцией судов государственных, при этом в епископальный суд обращались более охотно, так как он отличался большей простотой судопроизводства и требовал меньшей суммы судебных издержек.²¹

¹⁵ От Ахикара до Джано. Перевод с сирийского А. Белова и Л. Вильскера. М. — Л., 1960, с. 329—330.

¹⁶ Н. В. Пигулевская. Сирийский законник (История памятника). Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, 1952, вып. 3, с. 60.

¹⁷ Syrische Rechtsbücher, Bd. III, S. 2.

¹⁸ Ibid., Bd. VI, § 1, S. 182.

¹⁹ Н. В. Пигулевская. Сирийский законник, с. 60.

^{19a} Большую роль епископа в хозяйственной и политической жизни сирийцев отмечает Дж. Б. Сегаль в своей книге «Edessa „the blessed Sity“» (Oxford, 1970), посвящая этому вопросу специальную главу — «Юрисдикция епископа и духовенства» (с. 127—136).

²⁰ См.: Н. Суворов. Курс церковного права, т. II. Ярославль, 1890, с. 123. Об этом же говорится в сборнике Ишобохта, предостерегающего от обращения к языческому судье (*ḥabīb ḥabīb*), который может нанести вред и тому, на кого подан иск, и самому истцу. См.: Syrische Rechtsbücher, Bd. III, VI, § 2, S. 184.

²¹ Н. В. Пигулевская. Юридические памятники эпохи сасанидов, с. 171; Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1974, с. 193—194.

Император Юстиниан изъясил гражданские дела из компетенции церковных судов, однако за церковными судьями сохранилось исключительное право решения спорных вопросов, связанных с чисто церковными отношениями, насколько в них мог быть «юридический элемент, подлежащий судебному разбирательству». ²² Епископы могли также обращаться в государственный суд с правом ходатайства, испрашивая освобождения обвиняемого от уголовного наказания с тем, чтобы последний понес за свое преступление церковное взыскание.

Церковный суд вершил сам епископ при участии клира, в присутствии истца, обвиняемого, а также свидетелей. Епископ выслушивал объяснение сторон и старался обычно решить дело их примирением.

Для обращения в суд требовался письменный документ — долговая расписка, купчая, завещание или протокольная запись, хотя иногда церковные судьи брали на себя рассмотрение дел, даже если у истца не было ни свидетелей, ни документа, но он имел репутацию честного, правдивого человека. ²³

Приведенное нами краткое описание епископального суда, составленное на основе фактических данных, нашло отражение в повести о Евфимии, возникновение которой исследователи относят к VI в. ²⁴ Здесь имеет место судебное разбирательство по делу некоего готского солдата, совпадающее в основных чертах с соответствующими положениями юридических сборников, но воплощенное в живую реальную картину, как это свойственно произведениям художественных жанров, к разряду которых относится и названная повесть.

Преступник — готский солдат из войска ромеев, ²⁵ которые пришли в Эдессу на исходе IV в., дабы защитить ее от нашествия гуннов. Поселившись в доме вдовы по имени София, он соблазнил дочь ее Евфимию, обещая взять в жены. У гроба святых исповедников Гурии, Шамуны и Хабиба ²⁶ поклялся в том, что никогда ее не обидит, но очень скоро нарушил клятву, подвергнув испытаниям, которые едва не привели ее к гибели.

Мы приводим описание суда, как оно дано автором повести, для которого авторитет епископа в разбирательстве подобного рода преступлений был непререкаем.

«И все, кто был там, окружили гота, схватили его и заперли в доме, тщательно охраняя его. Потом сделали запись всего случившегося с начала и до конца: как он клялся страшными клятвами и давал обещания; как составили договор о браке и он говорил, что ни жены, ни детей нет у него в своей стране; как дал поручительства исповедникам-мученикам, потом простер руку и увел Евфимию от гроба, в котором покоились кости святых Шамуны, Гурии и Хабиба; как потом они, эти святые, явились ей в могиле и воссиял вдруг свет, яркий, великолепный, исчезло зловоние, легкий ветерок повеял, распространяя душистые ароматы; как за одну ночь они пронесли ее сквозь это огромное расстояние.

Потом пошли, обратились к епископу Евлогию ²⁷ и дали ему прочесть эту запись. Когда прочитали священнослужителю все, что было записано, он был удивлен и поражен наглостью этого человека, и пробудились у него интерес к этому делу и желание разобраться в нем. Он собрал весь клир

²² Н. Суворов. Курс церковного права, с. 126.

²³ Syrische Rechtsbücher, Bd. III, VI, § 1, S. 182.

²⁴ Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos aus dem Nachlass v. Oscar von Gebhardt. Leipzig, 1911, S. LV.

²⁵ Ромеями в сирийских источниках называют обычно византийцев.

²⁶ Святые, популярны в среде сирийцев, воспеты Ефремом Сирийцем и Паковом Серугским. Считались покровителями города Эдессы.

²⁷ Мар Евлогий — реальное историческое лицо, епископ Эдессы до 698 г. См.: Chronicon Edessenum. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, Bd. I. Romae, 1719, p. 399.

и вместе с ризничьим храма святых мучеников-исповедников отправился к достохвальному стратилату²⁸ и рассказал ему эту историю.

Когда прочитали стратилату то, что было записано у них, как все это случилось, он и все, кто оказались вместе с ним, были изумлены величием того, что сделал бог посредством исповедников-мучеников, и поражены тем, как опрометчив был гот, не убоявшийся кары господней. Затем стратилат в великом гневе и негодовании приказал привести этого гота оттуда, где они заперли его, а также девицу Евфимию. И вот привели их, и поставили перед ними — перед достохвальным стратилатом и перед священнослужителем божьим мар Евлогием, епископом этого города. Собрался весь город, и приказал стратилат прочесть эту запись. И слушали гот и Евфимия. Потом спросили у гота:

— Правда ли все, что ты слышал сейчас и что записано здесь о вас обоих?

— Да, мой господин, — ответил нечестивец. — Все это правда. Здесь нет ни единого лживого слова.

Тогда стратилат удивился еще больше:

— Если это правда, как же ты не трепещешь от страха перед судом божьим? И как посмел ты презреть законы победоносных ромеев? Как ты решился нарушить клятвы и верность зарку, которые дал святым исповедникам-мученикам? Как ты мог попрасть свободу и впрячь ее в ярмо варварской власти?

И тотчас же, не откладывая, приказал стратилат вынести приговор и сжечь преступника на огне за то, что был так вероломен и свершил столь великое зло. А священнослужитель мар Евлогий, мягкосердечный и милосердный, стал просить за него, чтобы не поступали с ним так жестоко, а отнеслись с состраданием. Долго убеждал стратилата мар Евлогий, но тот был непреклонен:

— Не хочу я быть милосердным к этому человеку, чтобы не покарала меня святые за презрение к их покровительству и пренебрежение к ним. И не хочу, чтобы были сострадательны другие. Если кто-нибудь поступит так же, пусть не рассчитывает на сострадание и милость!

Затем взяли этого гота и вывели из города. И суд решил заменить сожжение усечением головы, вняв его мольбам и просьбам». ²⁹

Необходимо учесть, что в данном случае мы имеем дело с художественным произведением, в котором значительное место занимает вымысел, в частности выступление епископа в церковном суде с требованием по праву ходатайства, если не отмены, то смягчения приговора. Епископ изображен человеком добросердечным и сострадательным, каким и подобает быть истинному христианину, хотя самый факт апелляции епископа в гражданский суд можно расценивать с исторической точки зрения как равносильный подписанию им смертного приговора.

²⁸ Стратилат — военный комендант города, полномочия которого в VI—VII вв. распространялись и на гражданскую службу. См.: Pauly — Wissowa. Real-Encyclopaedie der classischen Altertumwissenschaft, Stuttgart, 1931, S. 254—255. Обращение епископа к стратилату — один из наиболее интересных моментов приведенного описания. Судя по характеру преступления, епископ имел полномочия и должен был провести процесс самостоятельно. Однако, как показывает текст, он счел необходимым отправиться к стратилату. Для объяснения этого кажущегося противоречия могут быть высказаны следующие предположения. Так как преступником оказался солдат из войска ромеев, расквартированных в то время в Эдессе, необходимо было посвятить в существо дела военного коменданта города. Далее, преступление в глазах епископа носило характер столь серьезного нарушения церковных канонических и правовых норм, что заслуживало не просто церковной меры взыскания, но и самого сурового уголовного наказания.

²⁹ *Hagiographie syriacque. Revue de l'Orient chretien*, t. V. (XV), Paris, 1910, p. 180—181.

Однако отдельные моменты отражают, по-видимому, реальную ситуацию, которая могла иметь место в Эдессе V—VI вв. На основании приведенного отрывка можно получить представление о существе конфликта, расцениваемого автором как тяжкое преступление, которое заслуживает сурового наказания. Самый процесс носит несомненные черты реальности: публичное разбирательство, предварительное составление протокольной записи, взаимодействие епископа, олицетворявшего церковный суд, и стратилата, представлявшего суд светский.

Говоря об исследовании средневековой литературы, Я. С. Лурье отмечает, что «вопрос о границе между художественным и нехудожественным, редко встающий перед исследователем новой литературы, весьма важен и сложен, когда речь идет о средневековой письменности».³⁰

Действительно, даже в тех случаях, когда из общей массы памятников исторического, агиологического и юридического характера удастся выделить те или иные сочинения как чисто беллетристические, оказывается, что те и другие настолько тесно связаны между собою, что исследование научных текстов в отрыве от художественных обедняет представление о конкретных исторических фактах, а рассмотрение художественных произведений изолированно от документальных приводит подчас к неверному пониманию содержания.

Так, привлечение сборника Ишбохта помогает понять, какие реальные ситуации скрыты в сюжетах «Калилы и Димны», а повесть о Евфимии иллюстрирует скудные сведения юридических параграфов и статей, наполняя их дыханием жизни.

A. V. Paykova

REFLECTION OF SOME LEGAL REGULATIONS IN SYRIAC FICTION

An example from *Kalilah and Dimnah* shows the character of the mutual commitments and the relations of the members of a trade partnership as narrated by an author of fiction. A different treatment of the same episode in the Arabic, New-Syriac and Slavic versions shows that the formerly existent legal regulations as preserved in the Syriac text no longer existed in the later periods. Another episode cited from the tale of Euphemia and the Goth refers to a description of the episcopal court of law.

³⁰ Я. С. Лурье. Введение. В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 3.